

Вступление

Написанию этой книги предшествовала большая заинтересованность самим фактом появления на окраине Российской Империи в XIX — начале XX века, профессионально образованной и культурной прослойки европейских врачей. Здесь, а именно в Сибири, где в течение столетий освоения громадных неисследованных пространств, человек, в случае болезни, мог рассчитывать на сомнительную помощь знахаря или шамана, где благодаря невежеству населения и антисанитарии эпидемии уносили жизни сотен и тысяч местных жителей, наконец появились врачи, занятые эффективным лечением, а часто и спасением жизни людей этого края.

При всей пагубности политики Царского правительства, даже в самых верхах Российской Империи находилось много разумно мыслящих и прогрессивных людей, которые замечали в польской ссылке положительный след, а именно элемент развития производительных сил отсталой и невежественной Сибирской окраины, невозможный без образованных, талантливых и творческих людей, многочисленных среди ссыльных поляков.

Сама ссылка, то есть большой приток непокорных, но инициативных, бунтующих, но еще не реализовавших свои амбиции, молодых и неопытных, но не сломленных окончательно в своих жизненных планах, оказавшихся на самой окраине Азиатского континента и как бы вновь рождающихся уже в новой ипостаси «сибиряка» и в новом стремлении изменить свое рабское положение в каком-то новом, полном жертвенности и полезности деле, без остатка заполняющем его жизнь.

Часть врачей приезжала в Сибирь, соблазнившись созданными властями, заинтересованными в привлечении специалистов, возможностями быстрой карьеры и более высоких заработков, чем в других частях Российской Империи. Кроме того, на территории Царства Польского или других бывших землях Речи Посполитой царские власти создавали для поляков трудности в получении работы в больших городах, поэтому проезд поляков на службу в Сибирь по-прежнему оставался не совсем добровольным.

Можно без сомнения сказать, что в 70–80 годы XIX века значительную часть должностей врачей и фельдшеров

в Восточной Сибири занимали ссыльные польские врачи, как правило, талантливые и преданные своему делу люди, пользующиеся громадной востребованностью и авторитетом у жителей Сибири.

Ссыльные врачи, несомненно, сыграли, словами польского историка Генрика Скока: «Огромную роль в развитии культурно-общественной России, роль несоразмеримую с их небольшим относительно количеством. Ведь в некоторых отдаленных уголках были они единственными — и часто первыми врачами на всю окрестность, организовывали первые больнички, первые посты службы здоровья. Во многих случаях ссыльные врачи встречали в Сибири болезни, не известные им в прежней практике, а также часто мало или вообще не знакомые тогдашней медицине. Проводили они в то время наблюдения, совершали эксперименты, накапливали документацию о болезни, становясь подлинными исследователями».

Водворенные в места назначения, врачи, фельдшеры и даже студенты-медики, достаточно быстро обретали лечебную практику — тайком от властей или также при их негласном разрешении, порой при официальном согласии, даже в случаях, когда были лишены прав состояния и вообще всяческих прав.

В одном из номеров Иркутского журнала «Сибирь» 1883 г. в связи с отъездом ссыльных врачей на родину ввиду Высочайшего Манифеста было написано: «Нельзя забывать также многих польских врачей — которые расплачивались своей жизнью в лечебной практике. Фамилии Лаговского, Зиминьского, Чечковского, Яроцкого и многих других Сибирь будет помнить еще долгое время. Сибирь знает эти заслуги и умеет ценить заслуги поляков-политических ссыльных. Сибирский народ и вся общественность всегда будут им за это признательны...».

Ю. И. Перцовский

І. Поляки, волею судьбы и профессии, жители Восточной Сибири

Мацей Ловицкий и его «Врачебно-практические заметки»¹

Проф. Владимир Дьяков в одной из своих статей писал, в частности следующее: «Заметный след в Сибирской жизни и благодарную память у местного населения оставили в XIX в. польские врачи²». Это же отмечала Г. Мендрина:

«Можно без преувеличения сказать, что в 70–80-е годы XIX в. большую часть должностей врачей и фельдшеров в Восточной Сибири занимали ссыльные польские врачи, талантливые и преданную своему делу люди, пользовавшиеся огромным авторитетом у жителей Сибири³».

Эти высказывания будут справедливы и в первой половине XIX в. Польские врачи, как правило, отлично подготовленные к выполнению своей профессии, своей повседневной деятельностью способствовали улучшению здоровья населения Сибири, санитарного состояния городов, городков и деревень огромной территории, а также распространению медицинского просвещения среди местного населения. Роль польских врачей в Сибири была в тот период тем большей, чем болезненнее ощущалось отсутствие квалифицированных местных специалистов.

Следует выделить несколько категорий польских врачей, в зависимости от того, каким образом они попали в Сибирь.

Часть из них приезжала в Сибирь добровольно, соблазнившись возможностями быстрой карьеры и более высокой оплатой труда, чем в других частях Империи. Тем более, что в Царстве Польском царские власти создавали для поляков трудности в получении работы. Таким образом, приезд поляков на службу в Сибирь был спровоцирован царскими властями и не был вполне добровольным.

¹ Ян Трынковский, *«Мацей Ловицкий и его "Врачебно-практические заметки"»*, пер. А. Михайловского, с. 146–154.

² Дьяков В. А., *«Участие поляков в изучении и освоении Сибири в XIX в.»*, «Przegląd historyczny», 1974, № LXV, 4, с. 674.

³ Мендрина Г. И., *«Медицинская деятельность политических ссыльных в Сибири»*, Томск, 1962, с. 20, 25.

Во многих медицинских учебных заведениях на территории Империи существовала прослойка «казённых воспитанников» (получающих государственные стипендии), которые после обучения были обязаны пройти шестилетнюю государственную службу в качестве врачей, преимущественно в армии. Поляков, как правило, направляли на работу в отдаленные губернии, часто в Сибирь.

Следующую группу составляли врачи-политические ссыльные. Участники столь многочисленных в XIX в. восстаний или заговоров после обвинительного приговора попадали в Сибирь. И в этой группе было несколько подгрупп. Приговоренные к каторге и лишённые сословных прав, они не могли выполнять свои профессиональные обязанности, Примером может служить Юзеф Антоний Бопре (1800–1872)⁴, выпускник Виленского университета, который в 1829 г. получил степень доктора медицины. За участие в «Союзе польского народа» в 1838 г. он был арестован, а в 1839 г. приговорен к смерти через повешение. Уже под виселицей это приговор был заменен двадцатью годами каторги и лишением сословных прав. Будучи сосланным на Большой Нерчинский Завод, несмотря на формальный запрет, он лечил не только ссыльных, но и местное население. Агатон Гиллер который столкнулся с ним в ссылке, отмечал: «Лучшей репутацией, как врач, здесь пользуется Антоний Бопре, сосланный по делу Конарского и ему, было запрещено лечение и подписывание рецептов. Однако приказ царя не имел успеха, так как местное население тянется к Бопре за советом; к нему свозят больных из отдаленных мест, за тысячу и более верст, аптеки выдают лекарства по его рецептам без подписи⁵».

Подобная ситуация имела место и с другим выпускником Виленского университета, Аницетом Ренье (1804–1877)⁶, который за участие в конспиративном движении, связанным с «Польским демократическим обществом», был приговорен к

⁴ Ян Трынковский, «Хатка Антония», *Przegląd wschodni*, 1991, № 2, с. 4; № 4, с. 877–884.

⁵ Гиллер А., «Описание Забайкальского края, в Сибири», 1991, Лейпциг, 1867, т. 2, с. 209.

⁶ Ян Трынковский, «Аницеты Ренье-каторжник», Из истории Центрально-Восточной Европы, Белосток, 1995, с. 267–273.

пятнадцати годам каторги. В действительности же он, как и Бопре, трудился в Сибири по своей профессии. О ситуациях такого рода, когда, по существу, врачи занимались нелегально частной практикой, ничего нельзя узнать из официальных документов. Напротив, официальные отчеты, направляемые местной администрацией в столицу, с мест отбывания каторги, вводят нас в заблуждение. Доктор Бопре в этих отчетах фигурирует как больничный сторож в Большом Нерчинском Заводе⁷, а Аницет Ренье как регистратор зерна, свозимого крестьянами на Винокуренный завод в Александровске около Иркутска⁸. В несколько лучшей ситуации, чем каторжники, оказались врачи, сосланные на поселение, поскольку они с самого начала имели возможность работать по своей специальности. Наконец, среди политических ссыльных были молодые люди, которые были вынуждены ввиду ареста и ссылки, преждевременно закончить свое образование, не получив диплома врача. Но и они, особенно там, где не было врачей, занимались лечением, часто пользуясь большим авторитетом у пациентов.

Выпускники Виленской медико-хирургической академии составили особую группу польских врачей в Сибири. Виленский университет, который к началу 1830/1831 учебного года являлся не только одним из самых крупных учебных заведений в Империи, но и заслуженно пользовался репутацией лучшего в Восточной Европе, вследствие Ноябрьского восстания и активного участия в нем скаутов, 1 мая 1832 г. по указу царя Николая I был закрыт, а теологический и медицинский факультеты были преобразованы в Академии: Духовную и Медико-хирургическую. Медико-хирургическая академия, в которую перешло много отличных профессоров из закрытого Университета, стала учебным заведением европейского уровня, а число студентов быстро росло. Она была отлично организована, хорошо оснащена и проявляла заботу о всестороннем образовании своих воспитанников. Кроме продолжительного, длившегося пять лет изучения медицины,

⁷ «*Политическая ссылка в Сибири: Нерчинская каторга*», под ред. Гоюшкина Л. М., Новосибирск, 1993, т. 1, с. 93.

⁸ Ефимов И. В., «*Из жизни каторжных Илганского и Александровского заводов 1848–1853*», Рус. архив, 1900, № 2, с. 261.

преподавались курсы ветеринарии, фармацевтики и акушерства. Два первых года образовательного процесса включали занятия по религии, этике, русскому языку, истории русской литературы, греческой и латинской литературе, французскому языку и литературе, физике, химии, биологии и минералогии. Из Академии выходили отличные специалисты — медики с широким горизонтом мышления и всесторонними интересами. Языком преподавания была латынь, что исключало обязательность русского языка⁹.

В 1833 г. среди студентов Академии возникает кружок заговорщиков Францишека Савича, близкий к Шимону Конарскому. В 1835 г. организация была раскрыта властями, а многие студенты были арестованы и подверглись репрессиям. В 1842 г. Виленская медико-хирургическая академия была закрыта.

На дальнейшую жизнь выпускников Академии серьезно повлияли репрессии, которые обрушились на всех студентов. Разумеется, те, участие которых в заговоре удалось доказать, были отданы в военную службу на Кавказ или сосланы в Сибирь. Однако власти решили рассеять на огромных пространствах Империи даже тех выпускников Виленской академии, вины которых не удалось доказать. Власти опасались распространения демократических идей, носителями которых считалась академическая медицинская молодежь из Вильно. Это привело к установлению полицейского надзора. 31 декабря 1841 г. вышло «Высочайшее повеление об установлении строгого тайного надзора над всеми врачами, которые окончили Виленскую медико-хирургическую академию с 1835 по 1841 г.». О масштабе этой акции и сопровождавшей ее суматохе свидетельствует циркуляр, рассылавшийся местным властям на всей территории Империи и содержащий фамилии тех выпускников Академии 1835–1841 гг., места пребывания которых первоначально не удалось установить. Список включал в себя 243 фамилии¹⁰. Лишь после смерти Николая I, император Александр II распорядился прекратить надзор¹¹.

⁹ Стользман М., «Некогда твой город... История Виленской культуры в период между восстаниями (1832–1863)», Ольштын, 1987, с. 35–36.

¹⁰ ГАИО (Иркутск), ф. 24, сп. 3, кор. 552, ед. хр. 19, с. 4–5, 12.

¹¹ Шестов В. И., Грицкевич В. П., Базанов В. И., «К истории...», с. 113.

Судьбы студентов и выпускников Виленской академии можно проиллюстрировать примером истории рода Трынковских, поскольку прадед и два его брата были слушателями этого учебного заведения. Самый младший Болеслав Трынковский летом 1840 г. вместе с целой группой других виленских студентов был переведен на медицинский факультет Казанского университета «с отдачей их здесь под особый надзор начальства»¹². Не завершив учебы, он умер в Казани 26 октября 1843 г.¹³ Средний Зигмунт Трынковский, окончив Академию в 1839 г. в степени врача второго класса, был направлен на службу на Черноморский флот, и оставался, как все, под полицейским надзором и, несмотря на то, что как правительственный стипендиат был обязан отслужить 6 лет, был задержан на службе до 1849 г., то есть до своей смерти, будучи врачом 39-го флотского экипажа¹⁴. Старший из братьев, Павел Трынковский, окончил Академию в 1839 г. в степени врача первого класса и как правительственный стипендиат был направлен на военную службу, на которой оставался в течение девятнадцати лет, причем за это время он ни разу не получил разрешения посетить родной дом. В 1858 г. он был уволен по состоянию здоровья. Во время службы, которую он всегда проходил вдали от родного Вильно (на юге Украины, а позднее в Сибири), он подвергался полицейскому надзору, который не был вовсе полицейской формальностью, а включал в себя вскрытие и просмотр писем без ведома адресата, домашние обыски, что было бы неприятным и очень обременительным для любого человека. Например: «За открытую переписку с поляками, по высочайшему повелению он был арестован и содержался под строгим надзором с 11 февраля 1841 г., и когда из взятой у него переписки выяснилось отсутствие крамолы, он был освобожден из-под ареста и допущен к должности 7 августа 1841 г.»¹⁵.

Разумеется, не только Павел Трынковский, но и многие другие выпускники Виленской академии попали в Сибирь

¹² Загоскин Н. П., «Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского Университета (1804–1904)», Казань, с. 342.

¹³ ЦГАРТ (Казань), ф. 92, оп. 1, д. 5115.

¹⁴ Военно-медицинский журнал, 1849, № 54, с. 23.

¹⁵ Документы Павла Трынковского во владении его семьи.

(и в частности, в Иркутск и Забайкалье). Вышеупомянутый Агатон Гиллер писал, что в Забайкалье: «... докторов медицины немного. При лазаретах шахт, казацких и военных лазаретах половина врачей — это поляки»¹⁶. Многие были воспитанниками Виленской медико-хирургической академии. Можно без труда назвать много фамилий польских врачей, работавших в Сибири в первой и второй половине XIX в., привести сведения из разных источников, но для полноты знаний о них, их работе, достижениях еще очень далеко.

Следует обратить внимание на специфическую сторону деятельности польских врачей в Сибири, или точнее говоря, на Азиатской части Российской Империи. Многие из них, помимо своей профессиональной деятельности, предпринимали различные научные исследования с большим или меньшим эффектом способствовали познанию этого огромного края. Когда говорится об этом, вспоминаются такие великолепные ученые и одновременно врачи, как Бенедикт Дыбовский¹⁷, Юлиан Талько-Гринцевич¹⁸, Леон Гриневицкий¹⁹ или Томаш Аугустинович²⁰. Аугустинович, отличный ботаник, был воспитанником Виленской академии, которую он окончил в 1835 г. Были в Сибири и не так широко известные, но тем не менее заслуживающие внимания врач-исследователи, как, например, упомянутый уже Тадеуш Гречина или студент Виленской академии, исследователь флоры и фауны Забайкалья, Антоний Валецкий²¹.

¹⁶ Гиллер А., оп. цит. т. 2, с. 209.

¹⁷ Смотреть: Бженк Г. *«Бенедикт Дыбовский: жизнь и дело»*, Вроцлав, 1994.

¹⁸ Талько-Гринцевич (1850–1936) — антрополог, этнограф, работал врачом в Троицкосавске (Кяхта); см.: *«Словарь польских биологов»*, 1987, с. 542–543.

¹⁹ Гриневицкий Л. (1839–1891) — военный врач, натуралист, исследователь Новой Земли, Сахалина, Командорских островов и Чукотки; см.: *«Словарь польских биологов»*.

²⁰ Аугустинович Т. — врач, ботаник, работал врачом на Сахалине и Чукотке; см.: Слабчинский Т., *«Томаш Аугустович (1809–1891) и его этнографич. работы о Сибири»*, *Lud* № 59, с. 1975.

²¹ Трынковский Я., Вольтановский А., *«Антоний Валецкий (1815–1897), исследователь Вост. Сибири и Байкала»*, *квартальник историч. науки и техники* 1990, № 4, с. 138–155.

Среди выпускников Виленской медико-хирургической академии, попавших в Сибирь, выделялся также Мацей Ловицкий. До сих пор этой личностью мало занимались. Статья Ежи Шумского касалась в основном детства и школьных лет Ловицкого²².

Родился Ловицкий в 1816 г. на Кшивце, где его родители имели хозяйство площадью около 36 га. После гимназии 15 сентября 1834 г. он начал учебу в Виленской медико-хирургической академии, как «казённый воспитанник»²³. Он в меньшей степени был замешан в конспиративной деятельности. После окончания учебы и получения диплома врача I класса (4 августа 1839 г.), он был направлен в военный госпиталь 2-го кавалерийского округа военных поселений в Харьковской губернии. В конце августа 1840 г. он был переведен в «отряд на Босфоре», а затем в Новоглуховскую больницу в Одессе. В это время в руки властей попадают его «письмо, стихи в честь Демократического общества и молитва Богородице об избавлении Польши от ярма тирании»²⁴. У Ловицкого в Одессе был произведен обыск, в результате было изъято свыше двух тысяч страниц авторского текста. 6 октября 1840 г. он был арестован и выслан в Вильно для следствия. В декабре 1841 г. был оглашен приговор: «Сослать на службу в Восточную Сибирь за дерзкие и возмутительные сочинения»²⁵.

Обратим внимание на этот необычный, с точки зрения наших дней, приговор. М. Ловицкий был назначен военным врачом. Он получал нормальное вознаграждение за свою работу, мог подрабатывать частной практикой, мог продвигаться по службе, но при этом оставался человеком, подвергнутым наказанию, отданным под строгий полицейский надзор, должен был проходить службу только в Сибири и в течение десяти лет не мог получить разрешения на посещение родных. Когда же

²² Шумский Е., *«Мацей Ловицкий (1816–1900), Детство и школьные годы»*, Белосток, 1987, № 4(8), с. 14–19.

²³ См.: Тшебиньский С., *«Очерк истории Виленского медицинского института»*, Ateneum Wileńskie, 1987, № 12.

²⁴ Valeikaž, *«Франтишек Савич — “Демократическое общество” и Виленская медико-хирургическая академия»*, История, Вильнюс, 1981, XXIII, с. 43–48.

²⁵ Русский архив, 1909, с. 534–564.

мать хлопотала о его переводе из Сибири в Европейскую часть России, для работы преподавателем в одном из медицинских училищ, в конце 1850 г. власти дали категорический ответ: «Никогда не назначать его на службу в каких бы то ни было школах, во избежание вредных влияний его на молодых и неопытных воспитанников»²⁶.

В Сибири он сначала работал в лазарете в Кайдалове, небольшом этапном поселке за Байкалом. В июне был переведен в Красноярск, где стал врачом 12-го Сибирского линейного батальона. И предчувствие не обманывало его — это еще не был конец принудительных странствий. В 1850–1855 гг. он, как военный врач, снова возвращается в Забайкалье, в Читин²⁷, а затем в Шилку, где руководил тремя починенными горной администрации, лазаретами для каторжан при золотых приисках в Каре. В 1856 г. он прибыл в Омск, где служил врачом 5-го Сибирского линейного батальона и ординатором госпиталя²⁸. Лишь 31 декабря 1858 г. ему удалось добиться освобождения от военной службы принять гражданскую должность уездного врача в Ковно²⁹. В августе 1859 он стал уездным врачом в Белостоке, в этом же году, впервые после завершения образования, то есть после двадцати лет службы, он получил двухмесячный отпуск. В 1863 г. он выходит в отставку, но зловещее предписание «не снимать тайного надзора»³⁰ следует за ним. Как врач, Ловицкий, был неплохо обеспечен материально в Сибири, и даже мог себе позволить приобретение имения в Нурчике, где провел последние годы своей жизни. К 1900 г. его смерти, имение занимало площадь — 408 га³¹. Избавленный от материальных забот, он переносил ссылку тяжело, это было мучительным испытанием для его чувствительной натуры; он был близок к надлому, душевному заболеванию, суицидальным намерениям. Постепенно привыкал он к своему новому положению, а обрел

²⁶ LVIA (Вильно), ф. 378, оп. 216, т. 251, с. 46.

²⁷ В это время он уже пользовался репутацией хорошего врача как среди польских, так и русских ссыльных (см.: Трубецкий С. П., *Материалы о жизни и революц. деятел.*, Иркутск, 1987, т. 2, с. 211–212).

²⁸ ЦГИАБ (Гродно), ф. 2, оп. 38, ед. хр. 650, л. 1035.

²⁹ Военно-медицинский журнал, 1859, № 74, С. 64.

³⁰ ЦГИАБ (Гродно), ф. 2, оп. 38, ед. хр. 650, л. 10416.

³¹ ЦГИАБ (Гродно), ф. 24, оп. 4, ед. хр. 3708, л. 143.

спасение в чтении и, несмотря на горький в этом отношении опыт, в писательском труде.

В 1843 г. было опубликовано сокращенное изложение имеющей форму письма, статьи Ловицкого, описывающей эпидемиологическое состояние Красноярска. Это систематизированное описание болезней, беспокоящих город в разную пору года, вызывающих их причин, симптомов и методов лечения. Ловицкий пишет: «Хотя климатически Красноярск в Сибири, относят к здоровым местам, но все-таки люди в нем не только болеют, но и умирают от эпидемических болезней. С наступлением первых весенних дней и таяния снегов, что произошло в конце апреля, отмечены случаи цинги среди солдат и даже в городе среди зажиточных горожан. Цингу здесь лечат известным народным средством, именуемым здесь черемшой, жители делают значительные ее запасы на зиму и на весну, обычно маринуют ее и употребляя в пищу в различных блюдах и как салат. Чаще всего черемша востребована в тайге, в местностях с золотыми рудниками, где черемша, мезга коры ели и пихты, являются единственным спасением рабочих от цинги весной»³².

Начиная с 1853 г. и по 1859 г., Ловицкий публиковал в издаваемом в Варшаве ежедневнике «Tygodnik Lekarski» цикл из двадцати статей под общим названием «Практические врачебные заметки»³³.

Ловицкий отмечает климатические достоинства Сибири, которые оказывались спасительными для больных. «Забайкалье — это спасительный край для чахоточных. Местных туберкулезников там почти не бывает, а приезжие обычно выздоравливают»³⁴. Нас, однако, не удивляет, что из этих статей мы узнаем прежде всего о наиболее распространенных болезнях, преследующих население Сибири, таких, как коклюш, оспа, лихорадка, тиф, желтуха, цинга, дизентерия и

³² Выдержка из письма М. Ловицкого из Красноярска, «Воспоминания Варшавского врачебного общества», 1845, № XIII, 2, с. 258–270.

³³ «Практические врачебные заметки», из всего 45; печатал «Медицинский еженедельник» в своих номерах: 30, 31, 32 — 1853 г.; 12, 15, 17, 19 — 1854 г.; 11, 19, 21, 23, 26, 30 — 1855 г.; 47, 48 — 1856 г.; 5, 6, 9 — 1857 г.; 14 — 1858 г.; 1 — 1859 г.

³⁴ «Сифилис на Каре», «Медицинский еженедельник», 1857, № 5, с. 36.

сифилис. В борьбе с ними врачи сталкивались с различными трудностями. Частым было недостаточное количество лекарств: йодистого калия, сульфата хинина. Ловицкий часто рекомендовал применение общедоступных средств, критикуя «кабинетный» врачей, не считающихся с местными условиями:

«Мне неоднократно приходилось видеть рецепты, выписанные в местах, где поблизости нет аптек, и таким (тёмным) людям, которые не знают, что с этим листочком сделать, съесть ли его, носить на теле, или держать в доме против заразы и всяких болезней? Такие господа врачи только умеют писать рецепты, а не лечить больных домашними способами и средствами, то есть всем тем, что можно найти в каждом доме»³⁵.

В этой статье, касаясь вопроса о средствах, регулирующих работу желудка, он отмечал, что такого рода недомогания:

«... всегда лучше лечить изменением образа жизни, уж по крайней мере, переменой пищи, что не всегда по вкусу гурманам. К такой пище можно отнести: 1) Все свежие и сочные плоды; 2) Свежие овощи и зелень; 3) Ржаные и пшеничные отруби, хлеб с отрубями; 4) Капусту квашеную с растительным маслом или без него, соленые огурцы и их рассол, зрелые, свежие, но не слишком молодые огурцы с медом».

Он был убежден в существовании естественных сил самозащиты человеческого организма и утверждал, что при лечении «многих болезней, вся заслуга врача состоит в том, чтобы он ничего не испортил и не отнял от собственной целительной силы больного, а помогал ей»³⁶. Здесь трудно быть в чем-либо уверенным, однако не исключено, что такого рода взгляды, в определённой мере отражают положение в сибирской медицине, огромную смертность в больницах, в которых он работал, их незначительное число, плохие условия содержания больных. Разумеется, всего этого он написать не мог по цензурным соображениям, но внимательный читатель заметит, что именно такая картина открывается при чтении «Заметок» Ловицкого. «Отделить больных оспой от других больных я не мог из-за

³⁵ «Домашние лекарства, упорядочивающие "стул"», там же, 1855, № 19, с. 146.

³⁶ «Лечебная сила природы», там же, 1855, № 23, с. 179.

отсутствия места в больнице³⁷. Летом этого (1854) года у меня было много больных с болезнями желудка (60) и с брюшным тифом, более трёхсот. Из всего персонала больницы и фельдшеров, перенесших тиф или желудочные заболевания, не заболели только трое: два повара и пекарь, хотя они жили практически вместе с больными, но весь день находились у огня³⁸.

Работа в больницах для каторжан, работавших в Каре на добыче золота, стала для Ловицкого опытом, отличным от прежнего, и дала ему, а тем самым и нам, много интересной информации. Мы узнали об условиях работы на этих приисках, о симуляции болезней среди каторжан.

«Если арестант в тех местах «решил заболеть», то «болеет» обязательно; никакие угрозы и телесные наказания не помогают. Лучше лежать в больнице, которая хорошо и даже порой достойно содержится, чем выполнять тяжелую работу на жаре и холоде, в грязи и воде. Раны и разного рода повреждения, естественные или случайные, либо причиненные умышленно и искусственные, всегда требуют лечения в больнице. Неопытного и мягкосердечного врача, такого рода пациенты, будут обманывать постоянно»³⁹.

Мы обязаны Ловицкому интересной характеристикой Карских приисков.

«Местность, в которой расположены эти прииски, отличается именно этим: она окружена лесом и лежит в болотистом ущелье, зима и осень в котором наступает на две недели раньше, чем в близлежащих местностях, и температура постоянно на несколько градусов ниже, чем рядом, у реки Шилки. Кроме нездоровой местности, без сомнения болезням способствует здесь тяжелый труд рабочих, однако не менее тяжелы условия жизни и работы рабочих и солдат Шилкинского завода находящегося в пяти милях от Кары, на реке Шилке, где строят паромы и небольшие суда для Амурской экспедиции».

Следует признать, что это поразительная картина — солдаты, которых содержат ничем не лучше каторжан, приговоренных

³⁷ «Ложная оспа (*variolois*)», «Медицинский еженедельник», 1854, № 12, с. 90.

³⁸ «Брюшной тиф или желчно-нервная горячка», там же, 1855, № 11, с. 88.

³⁹ «Брюшной тиф или желчно-нервная горячка», 1855, № 11, с. 36.

за уголовные преступления, к тяжелым работам в нездоровых пагубных условиях. Это тем более ценно, что свидетельствует это человек, работавший в тех местах врачом и записавший свои наблюдения по горячим следам.

Исследование деятельности польских врачей в Сибири, их наследия, как опубликованного, так и рукописного, несомненно расширит наши знания не только о польском присутствии в Сибири, оно также может иметь значение для российских ученых, занимающихся историей этого огромного края, лежащего за Уралом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru